

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В «РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ» М.В. ЛОМОНОСОВА

Аннотация. В настоящее время система разграничения частей речи претерпевает кризис, связанный с широким распространением в словообразовательной системе языка транспозиционных процессов, приводящих к появлению таких слов, семантика производящей основы которых противоречит их грамматическому значению. В связи с этим возникает вопрос: всегда ли в грамматической науке использовались одни и те же принципы описания частей речи, изменялся ли набор этих принципов и будет ли он меняться в перспективе? Ответ на этот вопрос может дать изучение текста первой грамматики на русском языке, автором которой был М.В. Ломоносов.

«Российская грамматика» М.В. Ломоносова неоднократно становилась объектом изучения специалистов по истории русского языка. В результате было получено много ценных результатов, обогативших отечественную науку новым знанием о зарождении отечественной грамматической традиции и новыми представлениями о развитии русского языка. Однако анализ понятийной системы источника в сопоставлении с современными подходами к описанию грамматических категорий в должном объеме не производился. Мы сделали попытку в какой-то степени восполнить этот пробел, изучив описание имени прилагательного. Как оказалось, понятийный инструментарий того времени был ориентирован преимущественно на имена прилагательные качественные, а функции начальной формы выполняли краткие прилагательные.

Описание имени прилагательного в «Российской грамматике» заложило основы регулируемого грамматической нормой употребления этих слов в устной и письменной речи. Отчетливо проявилась необходимость упорядочения системы падежных окончаний полных прилагательных, что приводило к установлению устойчивой парадигмы склонения.

Ключевые слова: начальная форма; формообразование; словоизменение; рассудительная степень; модификация и транспозиция.

Сведения об авторе: Карпов Анатолий Карпович, кандидат филологических наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций, президент Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: 628605, Россия, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56, каб. 320, тел.: 8(3466)44-44-74; e-mail: SRhmao@mail.ru.

А.К. Karpov

THE ADJECTIVE IN «RUSSIAN GRAMMAR» BY M.V. LOMONOSOV

Abstract. At present, the system of differentiation of parts of speech is undergoing a crisis associated with the widespread transpositional processes in the word-formation system of the language, leading to the appearance of such words, the semantics of which produce the basis of which contradicts their grammatical meaning. In this connection, the question arises: did the same principles of describing parts of speech always be used in grammar science, did the set of these principles change and would it change in the future? The answer to this question can be given by studying the text of the first grammar in Russian, the author of which was M.V. Lomonosov.

“Russian Grammar” by M.V. Lomonosov has been studied by numerous historians of the Russian language. This research produced immense knowledge about the establishment of the Russian grammar tradition and new trends in development of the Russian language grammar. However, it is worth noting that there was no sufficient analysis of conceptual system of the source in comparison to the current approach to grammar category description. This article attempts to fill in this gap through the study of the adjective. The results show that conceptual framework of the time of the Lomonosov's “Russian Grammar” mainly focused on descriptive adjectives, and root form of adjectives was manifested in short adjectives.

The description of the adjective in the “Russian grammar” laid the foundation for the grammatical use of these words in oral and written speech. The necessity of streamlining the system of case endings of full adjectives was clearly manifested, which led to the establishment of a stable declension paradigm.

Key words: root form; inflexion; inflexion changes; old comparative degree; word forming modification and transposition.

About the author: Anatoly Karpovich Karpov, Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department of Philology and Mass Communications, president of Nizhnevartovsk State University.

В современных грамматиках сложилась система разграничения частей речи, которую определяют три аспекта: «значение самого слова, его функции в составе предложения, его особенности в области флексии и словообразования» (Кубрякова 1978: 24). Однако в данный момент она претерпевает кризис, связанный с широким распространением в словообразовательной системе языка транспозиционных процессов, приводящих к появлению таких слов, семантика производящей основы которых противоречит их грамматическому значению. По этой причине одни морфологи называют слова типа *первый, второй, десятый* порядковыми числительными, а другие – счетными прилагательными. Первые ориентируются на семантику основы, вторые – на окончание и синтаксические функции этих и подобных слов. В качестве выхода предлагается ввести в научный обиход понятия базовых частей речи, где грамматическая семантика гармонирует с грамматическим значением, и гибридных слов, где такой гармонии нет и где сочетаются признаки двух, а то и трех частей речи. В связи с вышесказанным возникает вопрос: всегда ли в грамматической науке использовались одни и те же принципы описания частей речи, изменялся ли набор этих принципов и будет ли он меняться в перспективе?

Ответ на этот вопрос может дать изучение текста первой грамматики на русском языке, автором которой был М.В. Ломоносов (Ломоносов 1952а). «Российская грамматика» была написана в 1755, издана в 1757 г., то есть это достаточно давний источник, автор которого был, по естественным причинам, совершенно свободен от влияния современных теорий. Опирался ли он на вышеупомянутые принципы, а если опирался, то какие из них представлялись ему главными? Для ответа на эти вопросы мы подвергли лингвистическому анализу ту часть «Российской грамматики», которая посвящена имени прилагательному, – «Примечание на предложение о множественном окончании прилагательных имен» (Ломоносов 1952б).

Интерес к имени прилагательному обусловлен тем, что слова, обозначающие признаки предмета, выделились в самостоятельную часть речи значительно позже остальных, поэтому те процессы, которые формируют части речи, представлены в них с большей определенностью и наглядностью. Известно, что первоначально они входили в состав существительных и склонялись как существительные. Затем произошел процесс их сращения с местоимениями, которые стали выполнять функции окончаний. Так из кратких форм произошли полные. Происхождение полных форм прилагательных было одним из проявлений гибридного формообразования. Долгое время окончания полных прилагательных были подвержены фонетическим колебаниям, происходило их постепенное слияние, сращивание с производящей основой. Например, форма дательного падежа мужского рода ед. числа претерпела следующие изменения: *добруему*→*добрууму*→*доброму*. К моменту появления «Российской грамматики» окончания полных прилагательных русского языка смешивались с подобными окончаниями других славянских языков, прежде всего церковнославянского, что приводило к расшатыванию парадигмы склонения, явлению весьма нежелательному и вредному для языка. Следствием этих колебаний стало значительное расхождение в произношении и написании окончаний современных прилагательных.

В то время как имена прилагательные давно появились в языке и широко употреблялись в речи, научная грамматика длительное время не отделяла их от имен существительных. «В традиции русских грамматик имя прилагательное стало выделяться как самостоятельная часть речи начиная с XIX в.». «Грамматика Ломоносова была первой грамматикой русского

языка, первым печатным, написанным по-русски, общедоступным сводом сложившихся к тому времени правил изменения русских слов, а отчасти и правил сочетания русских слов. Такой свод был насущно необходим: усложнявшиеся с каждым днем государственные, общественные, хозяйственные, военные, научные и литературные нужды огромной, быстро мужавшей страны настойчиво требовали полной мобилизации всех накопленных народом словарных богатств, пользование же ими было до крайности затруднено отсутствием печатного грамматического руководства. Подобным руководством не могла служить ни проникнутая схоластикой славянская грамматика Мелетия Смотрицкого, написанная на церковнославянском языке и имевшая уже почти полуторавековую давность, ни тем менее краткий ее пересказ на немецком языке, изданный в 1731 г. В.Е. Адодуровым, с которым можно ознакомиться в примечании № 6 к изданию М.В. Ломоносова «Российская грамматика» (Ломоносов 1952в).

Будучи ученым-энциклопедистом, М.В. Ломоносов был осведомлен в содержании популярных в то время латинских и греческих грамматик, знаком с грамматиками французского языка и с западноевропейской литературой по языкознанию. Однако даже этих познаний было недостаточно для того, чтобы решить проблемы описания живого русского языка. М.В. Ломоносову пришлось создавать собственный проект текстового расположения грамматического материала, к тому же он не мог не столкнуться с проблемами а) определения количества частей речи в русском языке, б) последовательности их расположения в тексте, в) порядка описания каждой из них.

Не отклоняясь от сложившейся в науке того времени традиции, М.В. Ломоносов пишет, что в русском языке восемь частей речи. Это утверждение встречается на страницах «Российской грамматики» дважды: «Посему слово человеческое имеет осмь частей знаменательных: 1) имя для названия вещей; 2) местоимение для сокращения именований; 3) глагол для называния деяний; 4) причастие для сокращения соединением имени и глагола в одно речение; 5) наречие для краткого изображения обстоятельств; 6) предлог для показания принадлежности обстоятельств к вещам или деяниям; 7) союз для изображения взаимности наших понятий; 8) междуметие для краткого изъявления движений духа».

Но из текста грамматики становится ясным, что термин «имена» – родового значения и что к именам относятся не только названия вещей, но и названия признаков, а также имена числительные. Тем не менее, количество частей речи М.В. Ломоносов оставляет прежним: «Все российские речения разделяются на осмь частей и к ним относятся, которые суть: имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз, междуметие».

Общая характеристика имени прилагательного дается при обзоре частей речи: «Итак, имена значащие вещь самую, называются существительные, например, *огонь, вода*, значащие качество именуются прилагательные: *великой, свѣтлой, быстрая, чистая*». Далее говорится, что прилагательные обладают способностью выражать качества вещей в зависимости от степени интенсивности их воздействия на органы чувств. «Рассматривая свойства вещей, находим в них разности, что то же свойство в одной вещи превосходнее, нежели в другой. Так, видя звезду, находим в ней светлость, но, видя месяц, больше светлости чувствуем. Холодна осень, но зимним морозам уступает». И хотя полная дефиниция прилагательного в «Российской грамматике» не дана, она уже намечена замечанием о том, что прилагательные обозначают «качество» и что это качество обладает свойством проявляться в разных предметах с разной степенью интенсивности.

Описание имени прилагательного дается в третьей, четвертой и пятой главах. Внимание М.В. Ломоносова привлекли прежде всего морфологические признаки. В современных грамматиках существует готовый стандарт описания таких признаков. Прежде всего, учитывается начальная форма прилагательного; затем выделяются две разновидности ее морфологических изменений: формообразование (образование кратких форм и форм степеней сравнения) и словоизменение (склонение имен прилагательных).

Естественно, что М.В. Ломоносов воспользовался другим порядком рассуждения. Морфологические признаки прилагательных разбираются им в небольшой главе «О уравнияхъ». М.В. Ломоносов пишет о формообразовании прилагательных, при этом речь идет только о степенях сравнения и способах их образования. Выделяется три степени сравнения прилагательных и предлагаются термины для их обозначения¹. «Отсюда имеют прилагательные имена разные степени: первый – положительный, которым просто вещи свойство изображается: *свѣтлый, студеный*; второй степень рассудительный, которым о свойстве вещи преимущественнее рассуждаем: *свѣтлѣе, студенѣе*». М.В. Ломоносов говорит пока о двух степенях сравнения – положительной и рассудительной, т.е. сравнительной. Примечательно, что положительная степень дана как полная форма прилагательного в именительном падеже мужского рода единственного числа: *светлый, студеный*.

Отдельным пунктом рассматривается превосходная степень: «Между многими вещьми, одно свойство имеющими, чувствуем и почитаем оное в некоторой из них всех превосходящее, что уже ни едина тем оной сравниться не может. Сие изображается именем прилагательным степени превосходного: *пресвѣтлой, престуденой*». Итак, М.В. Ломоносов выделял положительную, рассудительную и превосходную степени.

Рассудительная степень описывается им с особой тщательностью. Исходной формой для образования рассудительной степени становится теперь уже не полное прилагательное, а краткое. И это вполне понятно: ведь и полные прилагательные образовались от кратких, поэтому интуитивно они, возможно, воспринимались в то время как исходные формы.

Описание способов образования рассудительной степени оказалось делом далеко не простым, прежде всего вследствие того, что русский язык пережил к этому времени ряд фонетических процессов, которые привели к целому ряду чередований в пределах одной парадигмы словоформ. Появление беглых гласных как одно из следствий падения редуцированных; расподобление гласных при их стечении; палатализация задненебных согласных, смягчение отдельных согласных и групп согласных перед *ј* и другие подобные процессы сделали невозможным установление простого правила образования форм рассудительной степени. Формообразование постоянно сопровождалось отклонениями. Отклонения были обусловлены, с одной стороны, синхронными для того времени фонетическими закономерностями, а с другой – наслоениями различных исторических фонетических процессов.

Одно из отклонений от общего правила состояло в расподоблении гласных при их скоплении, однако фонетически измененные формы рассудительной степени вполне успешно сосуществовали с обычными: «Нередко ради двух или трех *е*, первые склады составляющих, вместо *ѣе* употребляется *яе*: *блекляе, свѣтляе*, однако и *блеклѣе, свѣтлѣе* равное или и лучшее достоинство имеют».

Другие отклонения сложились в процессе исторического развития языка. Формы «рассудительной» степени испытали на себе воздействие сразу нескольких исторических фонетических процессов. В области согласных это было смягчение под воздействием закона слогового сингармонизма и другие взаимодействия согласных, затем произошла глобальная перестройка всей фонетической системы русского языка вследствие падения редуцированных.

Смягчение твердых согласных обусловило появление чередований на стыке морфем: показатель «рассудительной» степени «*ѣе*» фонетически спровоцировал переходы когда-то твердых согласных основы в многочисленные и разнообразные шипящие, сохранившиеся до наших дней. Во времена М.В. Ломоносова историческая грамматика русского языка еще не была написана, однако примеры такого рода привлекают внимание ученого, хотя он и не объясняет причин чередований согласных в формах сравнительной степени: «Кончающиеся на *дѣ* и *гѣ* переменяют оные на *же*: *худѣ, хуже; молодѣ, моложе; тугѣ, туже; дорогѣ, дороже; строгѣ, строже; твердѣ, тверже*, однако *сѣдѣ, сѣдѣе*; «*Хѣ* переменяется на *ше*:

¹ Слово «степень» употребляется автором как в женском роде, так и в мужском.

глухъ, глуше; сухъ, суше; лихъ, лише; тихъ, тише; плохъ, плоше». Везде производящей основой являются краткие прилагательные теперь уже мужского рода.

Установить более или менее определенные закономерности образования сравнительной степени в то время было вообще очень трудно или даже невозможно. То и дело обнаруживались ряды однородных примеров, но наметившаяся было тенденция тут же сталкивалась с противоречащими ей исключениями. М.В. Ломоносов приводит несколько подобных случаев: «*Стъ* переменяется на *ще*: *густъ, гуще; простъ, проще; часть, чаще; чистъ, чище; толстъ, толще*». И тут же следуют исключения: «Выключаются производные от имен существительных, которые последуют общему правилу: *рѣчистъ, рѣчистѣ; брюхастъ, брюхастѣ; гористъ, гористѣ*». Другой пример: «Рассудительный степень производится от женского именительного чрез перемену *а* на *ѣ*: *страшенъ, страшна, страшнѣ; волнистъ, волниста, волнистѣ*». В данном случае исходной формой первого слова является краткое прилагательное в женском роде (*страшна*), основа которого становится производящей. Это основа с беглым гласным. Однако второй ряд словоформ (*волнистъ, волниста, волнистѣ*) беглых гласных не содержит, поэтому выбор основы женского рода в качестве производящей не имеет смысла.

Падение редуцированных послужило причиной появления беглых гласных *е* и *о*, наложившись при этом на чередования согласных. М.В. Ломоносов приводит ряды примеров, в которых смягчение сочетается с падением редуцированных. Здесь также наблюдается отсутствие единообразия примеров, ученый видит это и фиксирует, не объясняя. Вот эти примеры: «На *окъ* имеющие окончание [переменяют] оные на *че*: *крѣпокъ, крѣпче; легокъ, легче; мѣлокъ, мѣлче; мягокъ, мягче; прытокъ, прытче*» (Ломоносов 1952а: 468); «Однако *сладокъ, слаще; узокъ, уже; гадокъ, гаже; гладокъ, глаже; близокъ, ближе; жидокъ, жиже; низокъ, ниже; коротокъ, короче; кротокъ, кроче* имеют».

М.В. Ломоносов отмечает и случаи супплетивного образования сравнительной степени, называя их «неправильными»: «Неправильные рассудительные суть: *великъ, больше; малъ, меньше; хорошъ, лутче*», и образование сравнительной степени от разных значений многозначных прилагательных или от прилагательных-омонимов: «Некоторые прилагательные по разности знаменования имеют разные рассудительные: *добръ*, то есть *хорошъ*, в рассудительном *лутче*; *добръ*, то есть *доброхотенъ, милостивъ* в рассудительном *добрѣ*; *красенъ*, то есть *цвѣту краснаго*, в рассудительном *краснѣ*; *красенъ*, то есть *пригожъ*, в рассудительном *краше*».

О формоизменении говорится следующее: «Российские прилагательные в рассудительных степенях не склоняются, но как наречия неподвижны остаются: *смирень, смиренѣ; весель, веселѣ*».

Таким образом, М.В. Ломоносов описал один из наиболее сложных и запутанных вопросов формообразования прилагательных. Он же обратил внимание на превосходную степень, поскольку способов выражения наивысшей степени проявления качества или эмоции в языке оказалось довольно много.

Это способы образования с помощью предлога *пре*:

«Превосходный степень составляется из положительного и из предлога *пре*: *богатый, пребогатый; великій, превеликій; сладкой, пресладкой; сильной, пресильной*»;

с помощью «приложения» *наи*:

«Новые превосходные, с польского языка взятые, с приложением *наи*: *наилутчій, наичистѣйшій*, российскому слуху неприятны»;

с помощью конечного *шій*:

«Славенский рассудительный и превосходный степень на *шій* мало употребляется кроме важного и высокого стиля, особливо в стихах: *далечайшій, свѣтлѣйшій, пресвѣтлѣйшій, высочайшій, превысочайшій, обильнѣйшій, преобильнѣйшій*. Но здесь должно иметь осторожность, чтобы сего не употребить в прилагательных низкого знаменования или в неупот-

ребительных в словенском языке и не сказать: *блѣкльѣйшій, преблѣкльѣйшій, прѣтчайшій, прѣпрѣтчайшій* и сим подобных. Притом ведать должно, что кончащиеся на *шій* и без предлога *пре* больше превосходного, нежели рассудительного, степени силу имеют»;

с помощью слова «самый» образуется составная превосходная степень:

«Самой перед положительным степенем подает ему превосходного силу: *самой скверной, самой точной*».

Итак, при описании формообразования имен прилагательных М.В. Ломоносов ограничился степенями сравнения, оставив в стороне (или в подтексте) вопрос о кратких формах. В «Российской грамматике» краткие прилагательные именуются «усеченными» и употребляются значительно чаще полных. Они появляются прежде всего тогда, когда возникает необходимость продемонстрировать способы образования форм простой сравнительной («рассудительной») степени, а также и в ряде других случаев. Это прилагательные *блѣденъ, близокъ, брюхастъ; великъ, весель, волнистъ, волниста, высокъ; гадокъ, гладокъ, глухъ, гористъ, густъ; добръ, дологъ, дорогъ; жидокъ; кисель, коротокъ, красенъ, кротокъ, круголь, крѣпокъ; легокъ, лихъ; малъ, молодъ, мѣлокъ, мягокъ; низокъ; плохъ, пригожъ, простъ, прытокъ; рѣчистъ; сладокъ, смиренъ, страшенъ, страшна, строгъ, сухъ, сѣдъ; твердъ, тихъ, толстъ, тугъ; узокъ; хорошъ, худъ; часть, чистъ; широко* и др. Только по отдельным случаям словоупотреблений в примерах можно делать выводы о том, что эти прилагательные могут изменяться по родам и числам, каковы их синтаксические функции. О склонении усеченных прилагательных ничего не говорится. Правда, одна оговорка все-таки имеется: «Имена городов и прозваний, кончащиеся на *овъ, евъ, инъ, скъ* <...> везде склоняются как славенские прилагательные усеченные» (подчеркнуто нами. – А.К.). То есть склонение кратких имен прилагательных было известно из церковнославянского языка, из той же грамматики Смотрицкого, а в живой речи это склонение уже в основном утратилось, оставив после себя какое-то количество реликтовых форм.

В «Российской грамматике» отсутствует деление прилагательных на разряды, термины «качественные» и «относительные» прилагательные не употребляются. При этом речь ведется о качественных прилагательных. Об относительных прилагательных говорится очень мало, и называются они «от материй происходящие», но при этом делается существенное замечание, что не все прилагательные способны образовывать степени сравнения: «Прилагательные, от материй происходящие, ни рассудительного, ни превосходного степени не имеют, как: *золотой, дубовой*; нельзя сказать: *золотѣе, дубовѣе*».

Что же касается притяжательных прилагательных, то им посвящена часть пятой главы, которая называется «О произвождении притяжательных, отечественных и отеческих имен и женских от мужских».

Вопрос о словоизменении имен прилагательных стоял во времена М.В. Ломоносова довольно остро. Одна из первых филологических работ М.В. Ломоносова называется «Примечания на предложение о множественном окончании прилагательных имен» (Ротова 1996: 83). Эта небольшая статья Ломоносова была ответом на диссертацию В.К. Тредиаковского «О том, как писать по-русски окончания полных имен прилагательных во множественном числе», в которой он отстаивал церковно-славянские традиции. Возражая В.К. Тредиаковскому, М.В. Ломоносов пишет, что поднятый В.К. Тредиаковским вопрос о родовых окончаниях имен прилагательных не может быть разрешен на основании тех или иных теоретических доводов: «как во всей грамматике, так и в сем случае одному употреблению повиноваться должно» (Ротова 1996: 84). И хотя он утверждал, что формы рода у прилагательных во множественном числе отсутствуют, сохранение привычных правил, принятых в 1733 году, считал целесообразным.

«Значение Примечаний Ломоносова не только в верности основного вывода об отсутствии у прилагательных форм рода во множественном числе. Эта ранняя языковедческая работа Ломоносова ценна главным образом как документальное свидетельство, что уже в то

время он, в противоположность В.К. Тредиаковскому, решительно отстаивал независимость русского грамматического строя от церковно-славянского». Его возражения на отдельные утверждения В.К. Тредиаковского выглядят следующим образом:

«Хотя в славенском² языке мужеские прилагательные имена множественного числа в именительном падеже кончаются на *и*, однако из того не следует, чтобы в великороссийском языке имели они такое же окончание, ибо славенский язык от великороссийского ничем столько не разнится, как окончаниями речений. Например, по-славенски единственные прилагательные мужеские именительные падежи кончатся на *ый* и *ій* — *богатый, старший, синій*, а по-великороссийски кончатся на *ой* и *ей* — *богатой, старшей, синей* <...>. Таким же образом и множественные прилагательные мужеские в именительном падеже славенские разны от великороссийских» (Ротова 1996: 83).

М.В. Ломоносов считает целесообразным при выборе окончаний прилагательных ориентироваться на печатные и рукописные книги, «от великороссиян сочиненные», «каковы суть уложение, указные книги и другие печатные и письменные права и указы» (Ротова 1996: 83), полагая их лучшими образцами для подражания.

Словоизменение имен прилагательных описывается вместе со склонением имен существительных. «Склонений в российском языке пять: четыре существительных и одно прилагательных». «Пятое склонение включает в себе имена прилагательные всех трех родов, что видеть можно в следующей таблице и примерах».

Приводится таблица окончаний полных имен прилагательных всех трех родов (в единственном и множественном числе) и три примера парадигм (прилагательные *искренний, прежний, божей*). Вариативность окончаний имен прилагательных в некоторых падежах М.В. Ломоносов объясняет воздействием литературных стилей. Что же касается вариативности основ, то зачастую они являются следствием исторического фонетического процесса падения редуцированных (как и в случаях, описанных выше). М.В. Ломоносов фиксирует такие случаи и описывает их, но не комментирует: «Прилагательные имена, кончающиеся в усечении на *ень, огъ, оль, окъ*, в дополнении на *ый* или *ой* во всех падежах обоих чисел и в женском и среднем роде *е* и *о* выключают: *кротокъ, кроткой, кроткая, кроткое, кротки, кроткіе, кроткому, кроткаго, кроткомъ, кротким, кроткихъ, кроткимъ, кроткими, кротких*. Таким образом склоняй: *блѣденъ, дологъ, круголь, кисель* и сим подобные». «Из сего правила выключаются: *широкъ, высокъ, дорогъ, весель* и некоторые другие».

Построение системы парадигм склонения имен прилагательных – очень важный момент, поскольку существование литературного языка невозможно без наличия таких «узаконенных» сводов нормативных словоформ. «В условиях послепетровского времени, при хаотической неразмежеванности литературных стилей, при множестве новых требований к письменной речи, при торопливости и неряшливости, с которой разрешались подчас проблемы литературного языка, – властные, твердые, накаленные страстью грамматические предписания Ломоносова имели жизненно важное значение».

Как уже было сказано выше, основными принципами выделения частей речи являются принципы 1) семантический, 2) морфологический, 3) синтаксический, 4) словообразовательный. Последний считался (и считается) дополнительным, поэтому словообразовательный анализ слова существует отдельно от морфологического, а словообразование частей речи вынесено за пределы морфологии. Однако, говоря о словообразовании как показателе частеречной принадлежности, следует, вероятно, учитывать типы словообразовательных значений³. «Среди словообразовательных значений выделяются как более общие, транспозиционные значения, связанные с приобретением образующимся словом значения той части речи, в

² «Славенский» означает церковнославянский, т.е. относящийся к богослужебной письменности восточных и южных славян; церковнославянский язык – литературный язык восточных и южных славян в XI–XVII вв.

³ Словообразовательное значение представляет собой формально выраженный тип значения, проходящий в целой серии мотивированных слов с одним и тем же формантом.

которую оно транспонируется, т.е. предметности при транспозиции в класс существительных (ср. «играть – игра», «ходить – ходьба», «молодой – молодость»), процессуальности при транспозиции в класс глаголов (ср. «старый – стареть», «вдова – вдоветь», «руль – рулить», «ах – ахать»), признаковости при транспозиции в класс прилагательных (ср. «лес – лесной», «вчера – вчерашний»), так и более конкретные модификационные значения. Среди значений этого последнего типа нередко выделяются уменьшительные (ср. «дом – доминок», «белый – беленький»), увеличительные (ср. «дом – домище», «большой – большущий» или др. <...>» (Ломоносов 1952а: 468). Таким образом, словообразовательные значения могут быть транспозиционными и модификационными.

М.В. Ломоносов сосредоточивает внимание на модификационных значениях производных качественных прилагательных, при этом он совершенно последовательно исходит из их семантики, из их способности выражать различную степень интенсивности проявления качества. Производные прилагательные он обозначает терминами «умалительные» и «увеличительные», имея в виду либо уменьшение проявления качества, либо увеличение⁴. В «Российской грамматике» говорится: «Не токмо существительные, но и прилагательные российские имеют немало умалительных и увеличительных». «Умалительные» аффиксы способствуют выражению неполноты проявления качества: «Умалительные кончаются на *ватъ* и *некъ*: *красень, красноватъ, красненокъ; плохъ, плоховатъ, плохонекъ; сыръ, сыроватъ, сыренекъ, сыровата, сыровато; плохонька, плохонько*. Все значат некоторую малую часть тех свойств, которые сами имена изображают». «Увеличительные» придают к значению прилагательного положительные эмоционально-оценочные оттенки: «Увеличительные прилагательные не грубое, как существительные, но нежное знаменование имеют; кончатся на *хонекъ* и *шенекъ*: *бѣлехонекъ, бѣлешенекъ; малехонекъ, малешенекъ; сладехонекъ, сладешенекъ; близешенекъ, близехонекъ; бѣлехонька, бѣлехонько; близешенька, близешенько*. Все таковыя подходят близко к знаменованию степени превосходного; употребляются только в именительных падежах».

Описывая словообразовательные процессы в области прилагательных, М.В. Ломоносов то и дело сталкивался с примерами, которые выходили за рамки какой-либо установленной им системы. Например, в роли производящих слов выступали уже не усеченные прилагательные, а рассудительная степень: «Рассудительный степень имеет умалительные с предлогом *по*: *покрѣпче, подороже*». «Умалительные на *ватъ* в рассудительном степени повышаются: *красноватѣе, черноватѣе*». Поэтому он сделал вывод, что установление стабильных правил образования прилагательных со значением уменьшительности или увеличительности невозможно из-за постоянно возникающих отклонений и исключений: «Толикое множество увеличительных и умалительных как от своих первообразных производятся, то из примеров усмотреть можно. Обстоятельных правил сочинение силы превосходит, ибо в толь великом количестве бесчисленные должны быть отмены и изъятия. Сверх того, великая часть имен не имеет некоторых увеличительных и умалительных»⁵.

Таким образом, описание модификационных словообразовательных значений уводит исследователя в область «качественности», то есть в область базовой семантики прилагательных, погружая в его в подлинно народную стихию языкового творчества, которая не укладывается в строгие рамки классификационных правил. Примеры, приводимые М.В. Ломоносовым, прорисовывают контуры уникальной ментальности носителей русского языка той

⁴ Для сравнения: в современных грамматиках речь идет обычно об уменьшительно-ласкательных и увеличительных суффиксах, которые часто передают эмоционально-оценочные значения.

⁵ Этот отрывок мы перевели следующим образом: «Примеры показывают, какое количество увеличительных и умалительных производится от производящих слов. Составление обстоятельных правил не поддается усилиям, поскольку в таком большом количестве материала слишком много исключений и отклонений. Кроме того, значительная часть имен не имеет некоторых увеличительных и умалительных».

эпохи. Именно такого рода изучение и описание грамматики было особенно актуальным во времена М.В. Ломоносова.

Между тем, в пополнении состава прилагательных широко используются оба вида словообразовательных значений. Так, относительные имена прилагательные представляют собой яркий пример словообразовательной транспозиции. Едва ли не от каждого существительного, во всяком случае, от большого их числа, можно образовать относительное прилагательное: *книга – книжный, бумага – бумажный, буква – буквенный* и т.д. Имеется целый ряд особо продуктивных суффиксов, обладающих транспозиционным словообразовательным значением. Например, с помощью суффикса *-ов-* образуется примерно 500 относительных прилагательных от имен существительных с предметным значением: *березовый, бирюзовый, бобовый, бобровый, буковый, медовый, садовый* и т.д. (Караулов 1997: 130). Транспозитивами являются и притяжательные прилагательные.

Явления переходности в системе частей речи широко обсуждаются в современных исследованиях. «Современная классификация слов по частям речи не может быть полной, если в ней не находят отражения явления перехода слова из одной части речи в другую. В результате такого перехода образуется новое слово, которое, в отличие от мотивирующего слова, имеет свои морфологические и синтаксические признаки» (Карпов 1997: 129).

Подводя итоги, можно сказать следующее.

М.В. Ломоносов придерживался мнения, что в русском языке восемь частей речи, при этом в состав имен входят существительные, прилагательные и числительные. Грамматического определения имени прилагательного он не дает, однако отмечает, что основной его чертой является именование качества, способного проявляться в разных предметах с различной степенью интенсивности. Из разрядов названы только притяжательные прилагательные. Основное внимание уделено образованию степеней сравнения, в особенности рассудительной (сравнительной) степени. Начальной формой М.В. Ломоносов почти всегда избирает краткие прилагательные мужского рода. При работе над языковым материалом ученому пришлось столкнуться с фонетическими мутациями словоформ, вызванными как синхронными, так и историческими процессами, объяснить и систематизировать которые было невозможно по той причине, что историческая грамматика русского языка еще не была написана. Та же проблема возникла и при работе над словообразованием имен прилагательных.

Все описание построено на материале только качественных прилагательных: кратко освещены их семантические особенности; из морфологических характеристик представлены степени сравнения и парадигмы словоизменения. Описание морфологии прилагательных занимает центральное место. Словообразовательные характеристики основаны на анализе модификационных значений. Таким образом, М.В. Ломоносов опирался на семантический, морфологический и словообразовательный принципы. Неиспользованными остались синтаксическая характеристика и анализ транспозиционных значений. Синтаксические признаки частей речи были исследованы значительно позже, а словообразовательные до сих пор считаются второстепенными, поэтому инициативу в решении важнейших вопросов, касающихся частей речи, взяла на себя когнитивная лингвистика.

ЛИТЕРАТУРА

- Караулов Ю. Н. 1997. Русский язык: Энциклопедия / 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа.
- Карпов А. К. 1997. Морфология современного русского языка: Учебное пособие для студентов высших и средних педагогических учебных заведений. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та.
- Кубрякова Е. С. 1978. Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Наука.
- Ломоносов М. В. 1952а. Российская грамматика // Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 389–578.
- Ломоносов М. В. 1952б. Примечания на предложение о множественном окончании прилагательных имен // Полное собрание сочинений Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 801–805.

Ломоносов М. В. 1952в. Примечания к работе 6 («Российская грамматика») // Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 844–888.

Ротова Л. Н. 1996. Языковой знак и развитие семиотической функции в обучении русскому языку. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та.

Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. 1989. Краткая русская грамматика. М.: Наука.

Ярцева В. Н. 1990. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия.